

А.С. МАКАРЕНКО: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ и непедagogические злоключения подвижника социального воспитания

Андрей Владимирович Ткаченко,
Полтавский государственный университет, Украина

В современном макаренковедении всё ещё отсутствует окончательная оценка трагических для Макаренко событий, связанных с разрушением беспрецедентно эффективной воспитательной системы созданной им колонии имени Горького. Однако именно эта глава педагогической драмы Антона Семёновича вполне вероятно таит в себе ключ к пониманию наиболее принципиальных вопросов, касающихся его наследия. В противоречии с чем оказался педагог — действительностью, временем, идеологией, политической конъюнктурой или корпоративными амбициями отдельных людей?

- директор трудовой школы • колония им. М. Горького • губнаробраз
- аграрное хозяйство • система воспитания • труд педагога
- альтернатива государственной системе • травля

На момент назначения руководителем созданной Полтавским губернским отделом народного образования колонии для «морально-дефективных» подростков 32-летний педагог Антон Макаренко имел за плечами специальное образование, полученное на педагогических курсах при Кременчугском 4-классном городском училище и в Полтавском учительском институте, 9 лет учительской работы и 3-летний стаж управленческой деятельности.

Хорошо всем известный со страниц «Педагогической поэмы» эпизод назначения социально активного директора трудовой школы на должность заведующего колонией, по сути, открыл одну из самых ярких страниц педагогической истории человечества. Для самого

же Антона Семёновича такой кардинальный поворот профессиональной карьеры обусловил всё его будущее — и как «ведущего советского педагога», и как всемирно признанного писателя. «Что бы я ни сделал потом, — писал он позже, — начало всё-таки нужно будет искать в колонии» [16, с. 16].

Подробно раскрытая в той же «Педагогической поэме» история колонии имени Максима Горького в принципиальных моментах подтверждается документами многих архивов. После напряжённого периода педагогического и экономического развития и полуголодного существования возглавляемое Макаренко учреждение вызывает живой интерес общественных, административных кругов, попадает на страницы местных и даже республиканских средств массовой информации. С 1923 года оно становится опытно-показательным учреждением Наркомпроса УССР (НКП) [30, с. 7].

Принимая колонию, Макаренко, очевидно, предполагал, с каким объёмом трудностей придётся ему столкнуться. Будучи реалистом, он адекватно оценивал стартовые возможности заведения: послевоенная разруха, экономический кризис, надвигающийся голод, эпидемии, бандитизм и другие реалии осени 1920 года вряд ли позволяли надеяться на быстрое создание процветающего учреждения. В то же время он рассчитывал на всестороннюю помощь местных органов власти, а также на обещанную поддержку Полтавского губнаробраза.

Интересна позиция самой местной власти: с одной стороны, она не могла не быть заинтересована в улучшении общего фона детской беспризорности и преступности в губернии, с другой же, зная Макаренко по предыдущей деятельности как ответственного, инициативного и «дельного» работника, а также видя, с каким рвением и энергией он взялся за организацию воспитательного учреждения, власть переложила решение значительной части хозяйственных, финансовых, продовольственных, юридических и других проблем колонии на плечи начинающего заведующего. Позже в одном из писем Макаренко с горечью отмечал: «Больше всего нам приходилось бороться главным образом с губнаробразом. Когда я буду стариком, я только с ужасом буду вспоминать это кошмарное учреждение» [16, с. 11].

Как известно, колония получила остатки материальной базы бывшего исправительного учреждения для малолетних преступников, открытого в 1899 году Кременчугским обществом исправительных колоний и ремесленных приютов. После многолетних попыток найти нужную для устройства заведения землю в 1894 году упомянутое общество получило в подарок от помещика Базилевского участок площадью 120 десятин в урочище Трибы на левом берегу Ворсклы, большая часть которого представляла собой песчаный грунт, и около 45–48 десятин занимал условно пригодный для земледелия супесок. Однако далеко не всё земельное наследство перешло к заведению, руководимому Макаренко: на июль 1922 года колония имела

в Трибах только 12 десятин поля и 5 десятин огородов. Заметным ростом земельного фонда горьковской колонии было отмечено получение в аренду в конце 1920 — начале 1921 года полуразрушенного и ограбленного местными жителями в годы Гражданской войны имения бывших землевладельцев Трепке в селе Ковалёвка: 40 дес. поля, 15 дес. усадьбы, по 3 дес. лугов и парка — вместе 61 десятина. Предприниматели немецкого происхождения Вильгельм и Эмиль Трепке в конце 80-х годов XIX в. приобрели у Ковалёвского помещика Гербут-Гейбовича большой земельный участок (1245 десятин) и со-

Территория бывшей Полтавской колонии имени М. Горького в Ковалёвке (имение Трепке. Фото 1950-х годов)

здали образцовую экономию, именно возрождённым остаткам которой и суждено было в будущем украсить страницы истории мировой педагогики. Кстати, по иронии судьбы Вильгельм Трепке и его жена Анна Фёдоровна были членами правления известной благотворительной общественной организации — Полтавского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов [1, с. 84; 2, с. 67; 22, с. 84; 23, с. 25, 113; 25, с. 359; 31, с. 255–256, 258].

Унаследованная колонией недвижимость общей площадью 5014 квадратных аршина (2536,08 кв.м) состояла из 6 кирпичных домов, 2 домов, крытых соломой и черепицей, бетонной конюшни и двух сараев [38, арк. 5—11]. Паровая мельница, тоже оставшаяся от прежних владельцев, была в то время на территории поместья единственным неповреждённым сооружением и функционирующим предприятием. Несмотря на то что мельница могла принести немалую прибыль, она не вошла в число полученных колонией объектов недвижимости, поскольку местные власти сдавали её в аренду различным частным собственникам.

Стоит заметить, что хозяйство колонии далеко не ограничивалось землей. Достаточно красноречиво развитие её животноводческой сферы: на момент первых официальных сведений (июнь 1922 года) колония имела 6 «лошадей хороших», 4 вола, 2 коровы, 4 свиньи, 60 голов различной птицы, 30 породистых ангорских и фландрских кроликов, 6 овец [23, с. 106]. К концу 1925 года колония, кроме прочего, уже имела 12 коров и телят, 30 овец, 80 свиной английской породы. Вместе с тем ещё в сентябре 1924 года в ней насчитывалось 8 плугов, 2 сеялки, 2 жатки, молотилка и другой земледельческий инвентарь [13, с. 33; 24, с. 77; 32, арк. 425].

Отдельной заботой руководства колонии были производственные мастерские, которые в детских интернатных учреждениях того времени были штатными. Как показывают документы, численность и тип мастерских колонии имени Горького никогда не были постоянными. Согласно наиболее ранним данным (сентябрь 1921 года), первыми открылись сапожная, слесарная (или жестяночная) и корзиночная мастерские. В следующем же году присоединились кузница и столярная мастерская, где изготовлялись довольно сложные изделия, например телеги, мебель для внутреннего потребления [23, с. 100, 105].

На конец 1922 года в колонии установился такой распорядок дня: занятия в школе с 8 до 11 часов, работа в мастерских — с 13 до 16 часов. Но подобный график существовал только осенью и зимой, весной же и летом школьных занятий вообще не было, а колонисты почти весь световой день работали по хозяйству.

Развитие колонии как аграрного хозяйства стимулировало и соответствующее квалификационное разнообразие для воспитанников. Вот, например, далеко не полный перечень сельскохозяйственных работ, в которых они были задействованы: подрезка и побелка деревьев в саду, вскапывание, пересадка смородины, работа в парниках, вспашка, боронование, сев зерновых, посадка картофеля, вывоз навоза, высадка рассады, посадка деревьев, разбивка клумб, уборка, молотьба, прополка, борьба с вредителями. Красноречивое свидетельство квалификационных успехов колонистов случай, произошедший в мае 1923 года, когда им удалось сохранить урожай в то время, как вокруг Полтавы были уничтожены вредителями почти все посевы яровой пшеницы, урожай садов и огородов [23, с. 182, 186, 191].

Результативность сельскохозяйственного труда воспитанников можно проиллюстрировать и такими фактами: к концу 1925 года поголовье свиной колонии возросло до 160 голов, а урожайность пшеницы, по свидетельству самого Макаренко, колония доводила до 200 пудов с десятины [24, с. 59; 28, с. 228].

«Достижения нашего животноводства, — вспоминал агроном колонии Николай Фере, — были уже таковы, что мы оказывали серьёзное влияние на развитие этой отрасли сельского хозяйства далеко за пределами Ковалёвки и окрестных мест», «крестьяне из окружающих деревень начали ставить колонистов в пример и советовались с ними по различным специальным вопросам культурного ведения

сельского хозяйства. Колония, бесспорно, оказала влияние на развитие свиноводства в окружающих хозяйствах» [27, с. 132; 28, с. 228].

Благодаря этим и другим достижениям колония превращается в мощный воспитательный центр с культурной экспансией на всей прилегающей территории. Макаренко рисует перед воспитанниками привлекательную коллективную и личностную перспективу, а колониетская школа направляет лучших выпускников в средние и высшие учебные заведения. Победы колонии становятся предметом обсуждения широкой общественности, а её заведующего награждают званием Красного героя труда.

Накопленный успешный педагогический опыт даёт энтузиасту-заведующему основания в 1925 году обратиться в Главное управление социального воспитания НКП с амбициозным планом значительного расширения колонии [4, с. 1–10]. Напряжённая бюрократическая волокита в конце концов приводит к переезду Полтавской трудовой колонии имени М. Горького под Харьков, в усадьбу бывшего Куряжского преображенского монастыря, и слиянию её с расположенной там трудовой колонией имени 7 Ноября.

Вполне понятно, что переезд в столичный Харьков вверг жизнь коллектива горьковской колонии в кардинально иную социальную ситуацию. Близость столичных институтов, взятые на себя обязательства, а соответственно и кредит доверия со стороны образовательной власти вместе не могли не осложнить обстоятельств апробации макаренковской воспитательной системы. Так же и противоречия, возникавшие ещё в полтавской провинции, теперь приобрели новое звучание. Впоследствии сам Макаренко в опальной главе «Педагогической поэмы» — «У подножия Олимпа» об этом напишет: «Развивая работу в колонии, я сейчас не мог быть так естественно безоглядным, как раньше, ибо тучи клубились над самой моей головой и из них то и дело гремели громы и сверкали молнии. / Уже и раньше на меня косо смотрели с «небес», но раньше я подвизался в провинции, на меня редко падали лучи великих светил, да и сам я старался не прыгать чрезмерно над поверхностью земли. Я оказался в неприятном соседстве с богами. Они рассматривали меня невооружённым глазом, и спря-

таться от них со всей своей техникой я был не в состоянии» [14, с. 571].

Очевидно, начало конфликта Макаренко с образовательной властью надо искать ещё в истории первых лет колонии. Жена педагога в воспоминаниях рассказывает, что уже в 1922 году, когда она впервые увидела Макаренко, в педагогических кругах «говорили по-разному» о полтавской колонии имени Горького. О борьбе Макаренко с «чиновниками от педагогики» уже в те годы вспоминает и его коллега по колонии, в дальнейшем известная украинская писательница Оксана Иваненко [9; 29, с. 7]. Приводим краткую хронологию событий.

Осень 1924 года — в колонии имени Горького возникает производственное соревнование сводных отрядов, спровоцировавшее недовольство местных органов народного образования. Макаренко об этом писал: «В то время соревнования ещё не было общим признаком советской работы, и мне пришлось даже подвергнуться мучениям в застенках на рообразе из-за соревнования» [14, с. 356].

1925 год — критика некоторыми педагогами отдельных элементов системы Макаренко («конкуренции», методов поощрения и наказания, карманных денег для колонистов) за якобы замену им в воспитании внутреннего стимулирования, основанного на самосознании воспитанников, внешними его формами [19, с. 39].

Февраль 1926 года — журнал НКП СССР «Путь просвещения» печатает написанный рукой профессора Григория Ващенко отчёт о полтавской конференции работников учреждений социального воспитания (соцвоса), в работе которой, по его словам, доклад А. Макаренко о педагогическом опыте колонии имени Горького задал общий тон. Автор отчёта отмечает, что, принимая предложенные колонией методы воспитания, кон-

ференция стала на путь расхождения с главными идеями и методами соцвоса [5].

Июнь 1926 года. Макаренко позже в статье «Максим Горький в моей жизни» вспоминает о неравной борьбе, «которая к этому времени разгорелась по поводу метода колонии им. Горького. Эта борьба происходила не только в моей колонии, — пишет он, — но здесь она была острее благодаря тому, что в моей работе наиболее ярко звучали противоречия между социально-педагогической и педологической точками зрения. Последняя выступала от имени марксизма, и нужно было много мужества, чтобы этому не верить, чтобы большому авторитету «признанной» науки противопоставить свой сравнительно узкий опыт» [15, с. 15].

30 сентября — 5 октября 1926 года — декларация Макаренко главных постулатов воспитательной теории как альтернативы официальной системе социального воспитания на большом профессиональном форуме — Первой Всеукраинской конференции детских городков. Участник конференции, заведующий одним из одесских детских домов Макаровский так описывает характерные особенности тона Макаренко в диалоге с официальной педагогикой: «Первым вопросом повестки дня т. Дюшен объявила доклад А.С. Макаренко на тему: «Опыт социального воспитания беспризорных подростков».

Антон Семёнович поднялся и во всеуслышание заявил: «Я такой доклад делать не собираюсь!»

В президиуме замешательство. Аудитория в недоумении, насторожилась. Затем последовал такой диалог.

Дюшен. Антон Семёнович, мы же с вами договорились.

Макаренко. Да, мы договорились, но вы сформулировали тему не так, как мы договорились.

Дюшен. В чём дело? Не понимаю.

Макаренко. Тема доклада — «Моя система воспитания».

Дюшен. Ваша система разве не система социального воспитания?

Макаренко. Наркомпрос мою систему официально за систему социального воспитания не признаёт.

Президиум посоветовался, и Дюшен, извинившись перед аудиторией, объявила название доклада в редакции А.С. Макаренко» [17, с. 126].

2 февраля 1927 года — Макаренко в письме к журналистке Надежде Остроменцкой пишет: «На нашу колонию сейчас ведётся целая война со всех сторон. Бьют, конечно, по системе. Метод такой: все наши недостатки, недоделки, просто пропущенные места, случайные ошибки считают элементами системы и с остервенением доказывают, что у нас не система, а ужас» [16, с. 28–29].

В октябре 1927 года состоялось обследование колонии имени Горького, материалы которого содержат перечень заметных недостатков её работы и устройства. Как свидетельствует документ, недовольство комиссии коснулось почти всех принципиальных моментов макаренковской воспитательной системы. Нарекания вызвали: якобы отсутствие сознательной дисциплины среди воспитанников, волюнтаризм, концентрация власти и недемократичность совета командиров как главного органа самоуправления, «безграничный авторитет» завколонией, отсутствие «жизни, кипучей, творческой», плохое состояние внешкольной работы, замкнутость, подавленность, запуганность и недостаточное общее развитие воспитанников, отсутствие сознательного чувства ответственности за сделанное, недостаток чуткого отношения к детям со стороны педагогического персонала, недостаточность влияния комсомольской ячейки и роспуск пионерской

организации, внешняя атрибутика. Возмущение комиссии встретило даже такое, казалось бы, безобидное явление, как звание колониста-горьковца. Особенно острой критике была подвергнута существующая в колонии система наказаний и поощрений: превышение полномочий командирами, якобы избивание воспитанников как со стороны командиров, так и со стороны даже самого завкола.

Можно предположить, что совпадение во времени появления таких остро критических результатов обследования с массовым распространением по Харьковскому округу (под эгидой реализации макаренковской идеи объединения детских учреждений) «горьковской» системы было не случайным — поскольку не всё руководство образованием разделяло взгляды и методы Макаренко, ревизия состояния горьковской колонии как своеобразной «метрополии» имела целью предостеречь окружную власть от безоговорочной поддержки предлагаемых реформ. Это подтверждает и главный вывод комиссии: «Считать недопустимым перенос существующей системы воспитания в колонии Горького по другим колониям» [37, арк. 107–110]. Позже в письме Максиму Горькому сам Макаренко об этом напишет: «В то время как в разных книжонках рекомендуется определённая система педагогических средств, давно уже провалившихся на практике, наша колония живёт, а с осени на нашу систему (наша основная формула: «как можно больше требований к воспитаннику и как можно больше уважения к нему») стихийно стали переходить многие детские учреждения. / Вот тут-то и поднялась тревога. Нашу колонию стали «глубоко» обследовать чуть ли не ежемесячно. Я не хочу говорить, какие глупости писались после каждого обследования» [21, с. 55].

В конце концов идейный конфликт вокруг методов горьковской колонии выходит за пределы чисто внутриукраинского явления:

15–20 ноября 1927 года на Всероссийской конференции работников детдомов, в работе которой принимает активное участие и Макаренко, с трибуны его система объявляется «палочной», а колония имени Горького называется «аракчеевской казармой» [3, с. 125–133; 19, с. 70]. Настроение Макаренко в эти дни хорошо характеризуют его слова из письма к жене: «Сегодня, вероятно, на съезде будет

боевой день. Мне хочется ребром поставить вопрос о ревизии соцвоса. Я ещё не знаю, стоит ли? Стоит ли сказать «Доктрина соцвоса не пролетарская?» [26, с. 26].

Причины описанных явлений, как нам кажется, следует искать в глубинных процессах тогдашней социальной действительности. Макаренко, сконструировав, по сути, самостоятельно, с небольшой группой сторонников, беспрецедентно эффективную систему воспитания, сам, возможно, того не желая, покушался на статус и благополучие большого количества влиятельных людей: чиновников наркомпроса, учёных — представителей «чистого» педагогического жречества», руководителей-практиков в сфере образования. Он последовательно намекал на кардинальную ошибочность идеологических, педагогических, моральных институтов, сформировавшихся в первые годы революции, и своими достижениями предлагал альтернативу им. Позже он достаточно откровенно говорил о них на страницах рукописи «Педагогической поэмы», определяя программу «Олимпа» «как довольно хитро составленную композицию из революционной терминологии, толстовства, кусочков анархизма, совершенно нематериальных остатков эсеровского «хождения в народ», барской высокомерной благотворительности и интеллигентского обычного “вяканья”». «И я не знал даже, — писал далее Макаренко, — как квалифицировать всю эту теорию: бред сумасшедшего, сознательное вредительство, гомерическая, дьявольская насмешка над всем нашим обществом или простая биологическая тупость. Я не мог понять, как это так случилось, что огромной практической важности вопрос о воспитании миллионов детей, то есть миллионов будущих и при этом советских рабочих, инженеров, военных, агрономов, решается при помощи простого, тёмного кликушества и при этом на глазах у всех» [14, с. 571–573].

Опасность макаренковской альтернативы заключалась в том, что его воспитательный опыт пренебрегал некоторыми существенными и неотъемлемыми атрибутами советского строя — мы знаем, что самые острые столкновения с чиновниками НКП у него происходили именно из-за якобы идеологической ущербности применяемых в колонии имени Горького методов. Очевидно, политически бдительные основатели и руководители доктрины социального воспитания никогда полностью не доверяли беспартийному завколу, поскольку имели сомнения в идеологической безупречности педагогического «продукта», полученного с помощью «идеологически невыдержанных» методов. Этим же, пожалуй, можно объяснить и то, почему чрезвычайно продуктивная и технологичная воспитательная система Макаренко так и не была официально принята для широкого распространения по всей стране.

Вместе с тем внимание привлекает и ещё одно обстоятельство. Как известно, колония имени Горького в течение семи лет пользовалась исключительным правом увеличивать размер ставок зарплаты воспитателям за счёт уменьшения количества последних [36, арк. 98]. Важно то, что такое перераспределение средств в пределах соответствующего фонда бюджета было в первую очередь следствием принципиально иного способа организации труда педагогов колонии, а уже потом средством стимулирования последнего. Таким образом, много и самоотверженно работая меньшим от норматива штатом в неблагоприятных условиях и достигая при этом беспрецедентных педагогических результатов, колония имени Горького своим отношением к делу утверждала иную трудовую мораль. Предполагаем, что довольно высокий уровень этой морали как своеобразный этический прецедент олицетворял стихийную эволюцию отдельно взятого коллектива в направлении «коммунистического идеала», при этом эволюцию гораздо более эффективную, чем навязываемый официальными институтами бюрократический её вариант.

Макаренко неоднократно сетовал на распространённое среди работников большинства детских колоний безразличное и потребительское отношение к своему делу, которое подтверждается, к слову, многими документами харьковского архива. Такое положение вещей создавало, с одной стороны, выгодный фон для горьковской колонии, но вместе с тем как бы противопоставляло её всем остальным. Не исключено, что это вызывало недовольство персонала и руководства других детских учреждений округа, лишая их возможности маскировать собственную некомпетентность, бесхозяйственность и халатное отношение к должностным обязанностям, а позже именно это и спровоцировало скрытое сопротивление организаторской и педагогической деятельности Макаренко как руководителя Управления детскими учреждениями Харьковского округа.

Начало 1928 года приносит неожиданный поворот в истории педагогических скитаний А. С. Макаренко. Как известно, в основу воспитательной работы открытой в декабре 1927 года Детской коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, о которой пойдёт речь далее, была положена система Горьковской колонии. То есть в тот момент, когда макаренковские идеи страдали от тотального гонения на территории всего Харьковского округа, новое образцовое воспитательное учреждение именно на них основывает и внутреннее устройство, и свою педагогику. Так же и профессиональная состоятельность опального Макаренко, как это ни парадоксально звучит, была должным образом оценена только главным карательным органом страны, на авторитет которого вряд ли кто мог покушаться.

Ценные иллюстрации к финальному этапу славной истории горьковской колонии скрывает эпистолярное наследие Макаренко. Так, в конце февраля 1928 года в письме к Горькому он пишет: «Сейчас вокруг коммуны Дзержинского завязался интересный узел. ГПУ [...] представило мой воспитательный план на утверждение

Наркомпроса (УССР) и потребовало ответа: «Так или не так?» / Одобрить мою «еретическую» укладку Наркомпросу страшно, это значит рекомендовать её всем, не одобрить — значит нужно предложить иную, а это значит принять на себя ответственность, прежде всего, за целостность двorca, душей, ванн и пр.» [21, с. 51].

Для решения этого конфликта **13–14 марта 1928 года** в секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНИИП) состоялся специально инициированный Правлением коммуны имени Дзержинского диспут-обсуждение составленных Макаренко «Операционного плана» и «Конституции» коммуны, представлявших собой, по сути, своеобразную декларацию педагогического кредо автора. Во время дискуссии идеи Макаренко, который активно и аргументировано отстаивал свою позицию, были подвергнуты резкой критике сотрудниками института Поповым, Соколянским, Григорьевым, Яковлевым, Дюшен и другими. Главные расхождения возникли по поводу определения целевой установки нового заведения, военизации, использования элементов игры в организации детского коллектива. В итоге было признано, что макаренковский план противоречит главным принципам соцвosa [18, с. 59].

На следующий день Макаренко в письме к жене в достаточно ироничной форме выражает впечатление от этого заседания: «[...] я был вчера вечером на архиерейском служении в Наркомпросе. Господи, как это смешно у них всё выходит, как-то глупо напыщенно, бессодержательно, трусливо. И ни капельки достоинства. Какое-то сплошное издевательство над самой идеей науки. Пиквикский клуб. [...] Ей богу, хорошо было бы сесть в тюрьму и написать юмористический роман под заглавием “Невука”» [26, с. 35, 37].

Но критика и фактическое осуждение макаренковских проектов не решили главного конфликта в его противостоянии с официальной практикой воспитания. Как сам он и предполагал, «хорошо это или плохо для моего дела, пожалуй, даже не так важно. Всё это словоблудие не может иметь никаких продуктов. Всё зависит от того, найдут ли другого дурака, который захочет при таких условиях возиться в комму-

не Дзержинского». Поэтому руководство института не нашло ничего лучшего, как обратиться к самому же Макаренко за помощью: «Они, бедные, не знают, что им делать, и предложили мне самому составить проект резолюции. / В интимной беседе с Поповым он предложил мне следующий союз — я должен принять участие в работе Института, а за это Институт будет защищать колонию Горького. [...] Чудаки, ей богу» [26, с. 35, 39].

Между тем ситуация вокруг колонии имени Горького всё больше обостряется. «Меня по-прежнему едят, — говорит педагог в письме к жене, — но я уже смотрю на всех, как Кук на дикарей — даже интересно». Директор УНИИП Александр Попов предупреждает Макаренко о том, что против колонии готовится новый «поход», теперь уже в окрестном отделе профсоюза работников образования [26, с. 30, 39].

«Сейчас у меня момент наивысшего напряжения в борьбе, — говорил тогда Макаренко. — Мне нужно сейчас нечеловеческое напряжение и прямо гений, чтобы с честью донести своё дело до берега. Во всяком случае, мне нужно сохранить своё человеческое достоинство» [26, с. 79]. В этой борьбе педагог всё же стремится оставить за собой высокие нравственные позиции. В его пользу говорит тот факт, что, имея такого влиятельного союзника, как Максим Горький, он всячески препятствует любым попыткам его вмешательства. 16 марта писатель, узнав всё же об «идейной войне» против подшефной колонии, просит редакцию московской газеты «Известия» направить в неё корреспондента с целью расследовать, что именно там происходит, и объективно осветить её жизнь и работу. А на следующий день в письме к Макаренко выражает обеспокоенность и предлагает помощь, на что тот вскоре отвечает: «Я перестал бы уважать себя, если бы позволил себе хотя

бы стороной причинить Вам заботы по поводу наших неприятностей. Не нужно Вам ничем помогать нам, ибо это означает, что Вы войдёте в целую систему очень несимпатичных и непривлекательных историй. Наконец, Ваша помощь — явление совершенно исключительное и поэтому нельзя на ней строить нашу работу: если судьба здоровой детской колонии зависит от вмешательства Максима Горького, то нужно бросить всё наше дело и бежать куда глаза глядят. [...] Посреди общего моря расхлябанности и дармоедства, — продолжал Макаренко, — одна наша колония стоит, как крепость. В колонии сейчас очень благополучный ребячий коллектив, несмотря на то, что в нём 75% новых. И всё же меня сейчас едят» [21, с. 53, 54, 155].

«Обследование за обследованием, — пишет Макаренко в те же дни украинской журналистке Остроменцкой, — объявляют мне выговоры, по округу запретили систему колонии им. Горького и мне предложили в течение длительного срока перейти на обыкновенную «исполкомскую». В качестве обследователей приезжают мальчишки, с которыми даже говорить трудно. В то же время не могут не признать, что колония действительно перевоспитывает, что она исполняет свою задачу, что у неё «наибольший комсомол». [...] Я, впрочем, сдаваться не думаю, — добавляет он впоследствии. — К сожалению, совершенно не в состоянии бороться за свою работу в литературе: во-первых, не умею писать так, чтобы меня согласились напечатать, во-вторых, просто некогда» [16, с. 34].

В апреле 1928 года же к общей травле Макаренко и его колонии присоединяется и пресса — украинский журнал «Дитячий рух» (Детское движение) помещает статью педолога Арона Залкинда о тех же результатах обследования интернатных учреждений. В ней упоминаются якобы установленные факты избияния и издевательств над подростками со стороны воспитателей колонии имени Горького, нарекается на Окрнаробраз,

не заменивший ещё (несмотря на мнение окружкома комсомола) в воспитательных учреждениях округа горьковскую систему совета командиров, которая «противоречит основам советской педагогики» [7].

Макаренко вынужден констатировать: «В колонии Горького эпоха окончилась, это я удивительно ярко почувствовал в последние дни. Я это так и выражаю: «эпоха колонии Горького окончилась». Разумно, своевременно, мудро дать ей возможность умереть, как все умирает. Надо решительно закончить гомерическую глупость растрачивания себя на ветер» [26, с. 63].

В то же время проблема «физических мер воздействия» в горьковской колонии, очевидно, набирает обороты, и 10 мая Макаренко сообщает жене: «Здесь опять подняли безобразный крик по поводу моей колонии. Кричали уже и в Наробразе и в Помдете (окружная комиссия помощи детям — А. Т.), грозили прокурором, междуведомственной комиссией, ещё чем-то. [...] Мне это надоело. Я не хочу уже быть постоянным объектом какой-то, ей богу, ненормальной клики. Всякие эти [...] истерички добьются таки того, что меня посадят в допр, так, здорово живёшь, только потому, что я не хочу кланяться разным сумасшедшим. Какая-то самоубийственная глупость, глупость, выходящая даже не из головы, а из какого-то пупа прямо царит в нашем обществе. И что это за общество такое [...] — какая-то свалка безответственных бузил. Я не хочу бросить им под ноги и свой мозг, и свои нервы. Вот просто считаю, что это лишнее. Я знаю, что они ни за что не будут отвечать, чёрт с ними. Значит, тем более нет моего долга служить им, этому несчастному слепому обществу дефективных людей. / Завтра я подаю [...] заявление, в котором пишу, что с 1/VI по 6/VIII ухожу в тарифный отпуск и к заведованию колонией больше не вернусь — прошу к 1-му июня указать, кому сдать колонию. / Колонию передаю

в хорошем рабочем состоянии — это самое главное. [...] Я совершенно спокоен, ибо я в этой позиции совершенно неуязвим. Это нужно сделать. [...] Сидеть же и задаром под общее шельмование сгорать в колонии до смерти, было бы чрезвычайно глупо. Нельзя допустить, чтобы мне пришлось сдавать развалившуюся колонию. А теперь пусть в памяти этих болванов остаётся сказка о колонии Горького, они её испортят в два месяца, я крепко убеждён в этом» [26, с. 64–65].

Ещё в феврале 1927 года Макаренко, узнав о том, что журналистка Остроменцкая решила опубликовать впечатления о пребывании и работе в колонии, предостерегал её: «Вы себе представить не можете, насколько сильно я сомневаюсь в нужности такой книги. Я вот работаю в колонии 6 с половиной лет, а чем дальше, тем больше сомневаюсь во многих вещах, не только относящихся к горьковской колонии, но вообще ко всему соцвосу. Впрочем, я не знаю, в каком тоне будет написана Ваша книга. Если это будут просто картины жизни трудовой колонии, протестовать, разумеется, нельзя — тут с Вами ничего не поделаешь. Но если Вы будете говорить о принципах и о системе как о чём-то готовом и сложившемся, то я боюсь, как бы мне не пришлось потом протестовать в печати» [16, с. 28].

Позже Остроменцкая ознакомила Макаренко с рукописью и получила от него на фоне общей одобрительной оценки очерка некоторые замечания, особенно относительно спорных методов педагогического воздействия. Хотя она и обещала их учесть, однако по неизвестным причинам обещание не выполнила [16, с. 36].

«Ваша статья, — писал Макаренко, — забирает каким-то душевным, глубоко человеческим тоном. Я лично очень признателен Вам за художественно-идейную поддержку. / Правда, от Вашей статьи мне, пожалуй, здесь не поздоровится. [...] Ваша статья, конечно, подольёт масла в огонь, но я именно поэтому Вам благодарен. Вы сумели показать человеческое лицо моей работы, и, прочитав Вашу статью, я и для себя нахожу какое-то оправдание, а то я было сам себя начинал считать преступником». В этом же письме он предлагал автору послать очерк Горькому [16, с. 33, 34].

18 апреля Макаренко, решив сам охарактеризовать в письме к Горькому очерк Остроменцкой, отмечает, что в нём «в общем хорошо нарисован общий тон нашей колонии, но есть отдельные ошибки. Я не Кузьма Прутков и не Хулио Хуренито и решительно отказываюсь от тех афоризмов, которые мне там приписываются. Возможно, что я просто дразнил при помощи двух-трёх парадоксов какого-нибудь туриста. Точно так же история с палками и дубинами — явный гротеск. Наши ребята любят сочинять обо мне легенды» [21, с. 57].

Между тем, выйдя в одном из популярных центральных изданий, очерк не только привлекает к себе общественное внимание, но и провоцирует негативный общественный резонанс вокруг колонии имени Горького, а соответственно и макаренковской воспитательной системы.

27 апреля Макаренко пишет жене: «Получил письмо от Остроменцкой. Она говорит, что буря в Москве по поводу её статьи страшная, со всех сторон редакция получает письма от шкрабов (школьных работников — А. Т.) в защиту несчастных детей. Редакция не знает, что делать. Остроменцкая просит посоветовать, что ей делать. А что я ей посоветую. Сегодня сам послал письмо в редакцию [...]. Оказывается, редакция тоже послала книжку Горькому. Воображаю. Я очень боюсь, что Горький тоже станет в защиту ребёнка, и тогда будет али! [...] Плохо не то, что кто-то кричит и плюётся, — говорит дальше Макаренко с болью, — а плохо, что я не могу защищать никаких позиций: у беспартийного человека позиций быть не может. Кроме того, где моя партия. Кругом такая шпана, что не стоит с нею и связываться» [26, с. 51–52].

О печальной роли, которую сыграл очерк Остроменцкой в судьбе Макаренко, упоминается во многих жизнеописаниях

педагога, однако отечественное макаренковедение почти никогда не цитировало его. Поскольку нельзя назвать однозначным то впечатление, которое возникает после прочтения очерка, приводим несколько наиболее резонансных мест из него.

«Колония ищет такой формы наказания, которая совершенно бы исчерпывала проступок. Искания ещё не доведены до конца, но всё же определились следующие группы (классификация их, конечно, только приблизительно): [...]

IV. Наказания, рассчитанные на то, чтобы гневом потрясти провинившегося. Этот вид наказаний возможен только в том случае, если коллектив поддерживает воспитателя. А. С. Макаренко ребята больше, чем любят, они им восхищаются. Это наказание, являющееся как бы естественной реакцией на какой-либо возмутительный поступок, рассчитано на то, чтобы поразить видом необузданного гнева у любимого, всегда уравновешенного и шутливого главаря... именно главаря, так как т. Макаренко для них — нечто вроде атамана, живущего их жизнью, их интересами, только ведущего их не на грабежи, а в новую трудовую жизнь. Совершенно неважно в конце концов, что вы будете делать — швырнёте ли вы в провинившегося счетами или броситесь на него с кулаками, важно только, чтобы он почувствовал, что совершил нечто до того позорное, что вы не в силах сдержать возмущения. А. С. Макаренко умеет не забыть, он играет, он хороший актёр и никогда не переигрывает, его публика всегда им заражена и покорена, он всегда ведёт её за собою. Сам он о себе говорит: «Я не педагог, я актёр». Поэтому, если ему случится поколотить кого-нибудь из воспитанников, он сумеет сделать это так, что восхищение заведующим колонией у того не только не уменьшится, а, наоборот, увеличится. Если же нужно, он сумеет из наказания сделать небольшой фарс для наказываемого, но с ощутительным физическим воспоминанием.

Вот случай, происшедший в бытность мою воспитательницей в колонии. [...] вдруг один из старших колонистов напивается пьяным и начинает буянить, [...]

На другой день заведующий колонией приказывает ему срезать в лесу на себя палку. Провинившийся притаскивает огромную дубину и ставит её в комнате совета командиров.

— Зачем ты такую дубину приволок? — спрашиваю я.

— Это его Антон Семёнович бить будет, — хохочут ребята.

Провинившийся хитро прищуривается:

— Что я, дурак, что ли? Иванову раз сказал Антон Семёнович «принеси палку», так он, осёл, и принёс прут. Ну, Антон Семёнович его и отстегал, ого! А этой дубинкой бить разве можно? Раз ударит — убьёт. А кулаком не больно.

И сидит покорно, ждёт с интересом, как будет реагировать Антон Семёнович на его выдумку.

После сигнала «спать» появляется заведующий колонией, грозно нахмуренный. Покосившись на дубинку, он, к величайшему сожалению задержавшихся под разными предлогами ребят, ничего не говорит, только делает едва заметный знак провинившемуся, и они уходят вдвоём. А дубинка, сразу перестав быть интересной, сиротливо остаётся торчать в углу.

На другой день утром я дружески спрашиваю провинившегося:

— Ну что, здорово тебя вчера Антон Семёнович?

— Было... — говорит он, положительно довольный этим приключением.

Не следует забывать, с какими навыками приходят ребята в колонию: ведь они вы-

росли на улице, в нравах которой «подбрасыванье», избивание «в темную» и т.д. Всё это так жестоко, что удар любимого воспитателя вовсе не производит впечатления жестокости, к тому же со стороны старшего товарища он и не оскорбителен, а т. Макаренко именно старший товарищ, а не начальствующее лицо» [20, с. 60–61].

Однако опасения Макаренко относительно Горького, к счастью, не оправдались. Великий писатель, читая очерк, не только «едва не разревелся от волнения, от радости», но и в достаточно экспрессивной форме выказал восхищение педагогом [21, с. 58].

17 мая 1928 года можно считать едва ли не самым тяжёлым днём в истории идейной борьбы Макаренко. В центральной газете «Комсомольская правда» публикуется речь главного советского идеолога в области образования — Надежды Крупской, которая 8 мая на VIII съезде ВЛКСМ, проходившем в те дни в Москве, говорила: «Я хотела бы, товарищи, обратить ваше внимание на то, до чего докатываются отдельные школы. В первой книжке журнала «Народный учитель» за нынешний год описаны воспитательные приёмы, которые употребляет один Дом имени Горького на Украине. Там введена целая система наказаний: за один проступок меньше, за другой — больше. Там есть такие проступки, за которые полагается бить, и там создано такое положение, которое не может не возмущать до глубины души каждого, не только коммуниста, но всякого гражданина Советского Союза. Там говорится, что воспитатель должен наказывать ученика, — он может бросить в него счетами или набрасываться на него с кулаками, может бить палкой, прутком. Там описывается сценка, как заведующий домом посылает провинившегося в лес для того, чтобы он принёс прутья, которыми «воспитатель» будет его хлестать. / Дальше идти, товарищи, некуда. Это не только буржуазная школа — это школа рабская, школа крепостническая, и если даже только один такой факт есть, необходимо с ним тщательно бороться» [10, с. 270].

«Ну и качает же, Солнышко, на моём пароходе! — Пишет Макаренко жене три дня спустя. — Даже дух захватывает. Читали

«Комсомольскую правду» от 17 мая, как меня Крупская раздала по статье Остроменцкой, как по нотам? Я начинаю приходить в восторг — шельмование во всесоюзном масштабе» [12, с. 49].

Статья Остроменцкой не осталась без внимания в эти дни и второго наиболее влиятельного человека в советском образовании — наркома просвещения РСФСР А. Луначарского, который, как и Крупская, даже не попытавшись выйти за рамки сугубо формальной позиции в оценке художественного по своему характеру произведения, 23 мая, читая лекцию в Ленинграде, изрёк: «В одном из педагогических журналов я прочёл статью, в которой говорится о том, как ужасно обстоит дело с дисциплиной и в Западной Европе, и в нашем Союзе, и содержание которой нельзя назвать иначе, как романтикой розги: там описывается положительный тип советского педагога, который посылает своего ученика в лес — вырезать себе розгу, которой потом его выпорют. Прочесть такую штуку в нашем педагогическом советском журнале — это со стыда согреть. Если в центральном журнале, издаваемом профессиональным союзом работников просвещения, возможны подобные заявления, то ведь ещё худшего можно ожидать там, где многое идёт самотеком, — в тех местах, куда не доходят наши взоры. Мы, конечно, уже приняли некоторые меры к разъяснению того, до какой степени такие выступления недопустимы» [11].

Выпад Крупской, разумеется, не оставлял Макаренко возможности сохранять за собой должность заведующего горьковской колонией. Позже он напишет Остроменцкой: «После Вашей статьи меня здесь стали доедать вконец. После речи Н.К. Крупской на комсомольском съезде, в которой она упомянула о Вашей статье, я уже не видел другого выхода, как уйти из колонии» [16, с. 36].

Поданное Макаренко заявление об увольнении было принято, но руководство округа заключило с ним договорённость о том, что он не оставит колонию до приезда Горького, проанонсированного самим писателем в письме к подшефным. «В связи с приездом Горького здесь страшное смущение, — писал Макаренко 26 мая. — Мне это нравится просто, как мальчишке, но, с другой стороны, это и опасно. Я очень боюсь как раз Горького, вдруг он что-нибудь начнёт проделывать, чтобы я остался. А я сейчас на таком разгоне, что НЕ ХОЧУ» [26, с. 87].

Стоит отметить, что, вопреки общей конфронтации Макаренко с образовательными органами, административная власть была настроена гораздо конструктивнее относительно его деятельности: «У тов. Кантаровича [заместителя председателя Харьковского ОИК — А.Т.] кроме того такое настроение, что вообще деньги выдать колонии только в том случае, если я остаюсь в колонии. Вообще он категорически кричит, что меня отпускать нельзя» [26, с. 88–89].

27 июня снова к травле Макаренко подключается республиканская пресса — харьковская газета «В ст» («Известия») помещает неподписанную статью о «ужасной картине» состояния детских интернатов Украины. Кроме всего в ней говорится о том, что НК РКИ заслушал сообщение об обследовании колонии имени Горького, которое выявило «ужасную картину метода воспитания» в ней: «зав. колонии Макаренко даже придумал целую «научную» систему наказаний для детей, среди этих наказаний были и побои, выбрасывание детей на улицу раздетыми. Самих детей заставляли идти в лес за розгами, которыми их бьют». Статья заканчивается словами: «Представитель НКП сообщил коллегии НК РКИ, что Макаренко снят с работы». [6]

Сразу же после этого, не в состоянии очевидно больше терпеть, Макаренко делает отчаянный шаг — обращается в правление коммуны имени Дзержинского с рапортом,

прилагая при этом копию акта апрельского обследования колонии имени Горького комиссией ОкрРКИ и статью в «Известиях». В рапорте он подробно описывает историю травли колонии и его лично и поднимает вопрос о доверии к нему со стороны правления коммуны [35, л. 1–2 об.].

Последний акт педагогической драмы Антона Макаренко состоялся в дни наибольшего триумфа созданной им колонии — встречи великого писателя. **10 июля 1928 года** харьковская газета «Коммунист» публикует подборку материалов, освещающая пребывание Горького в столице Украины, отдельно описывая визит писателя в колонию своего имени. Одна из статей, «Замість вражень» («Вместо впечатлений»), подписанная неким Золотарёвым, выражает обиду автора как представителя этой газеты на «чиновника от образования, которому доверено воспитание 400 детей» — А. Макаренко за приказ удалить из колонии журналистов, докучавших уважаемому гостю. В этом же номере также помещена карикатура на Макаренко «Чемпион хулиганства», подпись под которой гласит: «Это есть... товарищ? гражданин? — не годится! Это — Макаренко, зав. детской колонией».

А это — историческая фраза Макаренко:

Всех корреспондентов и всех репортёров — в шею!

И это — не менее историческая фраза одного из помощников Макаренко (рабфаковец, гм!):

— Если будешь снимать спереди, — выкину с твоим аппаратом за шиворот.

Макаренко кроме детей в колонии воспитывает ещё и свиней в свинарнике. Как он воспитывает детей — не знаем, а вот как его воспитали свиньи — теперь известно всей Украине.

Не завидуем детям!» [8].

В этот же день проходит заседание Центрального бюро коммунистического детского движения (пионеров), на котором заслушивается информация представителя Центрального комитета комсомола Молодцова о встрече М. Горького в колонии его имени. Докладчик отмечает: «Грубое отношение» к нему как представителю ЦК ЛКСМУ и печати со стороны Макаренко, полный контроль последнего над комсомольской ячейкой колонии, идеологически вредную систему воспитания в ней. Бюро постановляет: признать недопустимым отношение А. С. Макаренко к представителю ЦК ЛКСМУ, сообщить НК РКИ (Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции — А. Т.) о слабом исполнении его постановления о снятии Макаренко и реорганизации колонии. Конечная фраза постановления звучит как приговор: «Систему» тов. Макаренко сразу не ломать, а постепенно», подобрать заведующего — члена партии [33, арк. 13].

11 июля в колонию имени Горького приезжает заведующий Управлением социального воспитания НКП УССР Василий Арнаутов и выдвигает Макаренко ультиматум: или перейти на «обычную» систему организации воспитания, или уйти. На ультиматум Антон Семёнович вскоре отвечает письмом, в котором говорит: «Независимо от того, какие репрессии могут быть ко мне применены, я продолжаю быть уверенным в правильности моего варианта детской организации. [...] Не имею никаких оснований усомниться хотя бы в одной детали. И поэтому по совести не могу ничего изменить, не рискуя делом. [...] Всё же я предпочитаю скорее остаться без работы, чем отказаться от организационных находок, имеющих, по моему мнению, важное значение для советского воспитания» [34, л. 1, 3]. После этого Макаренко фактически покидает колонию и остаётся работать только в коммуне имени Дзержинского.

Бесспорно, большой интерес представляет анализ причин заключительного кризиса горьковской колонии в системе видений и оценок самого Макаренко. Так, 18 апреля 1928 года в письме к Горькому он пишет: «Меня сейчас едят [...] только потому, что я решительно отказываюсь подчиниться тем дурацким укладкам, той куче предрассудков, которые почему-то слывут у нас под видом педагогики. А раз-

ве трудно меня есть? Когда организуется жизнь 400 ребят, да ещё правонарушителей, да ещё в условиях нищеты, так трудно быть просто должностным лицом, в таком случае необходимо стать живым человеком, следовательно, нужно и рисковать, и ошибаться. Где в работе есть увлечение и пафос, там всегда возможны отклонения от идеально мыслимых движений. / А меня едят даже не за ошибки, а за самое дорогое, что у меня есть — за мою систему. Её вина только в том, что она моя, что она не составлена из шаблонов. К этому должно было прийти. [...] / В то же время никто не решается утверждать, что в колонии Горького дело поставлено плохо. Вообще никакой логики во всём этом нет. [...] / Иногда мне хочется смеяться, глядя на всё это ребячество, а чаще всё-таки приходится прямо впадать в тоску. У нас так легко могут сломать и растоптать большое нужное дело, и никто за это не отвечает. [...] / После этого стоит ли что-нибудь делать. Ведь в таком случае гораздо спокойнее просто служить и честно получать жалованье. [...] / К вам приводят запущенного парня, который уже и ходить разучился, нужно из него сделать Человека. Я поднимаю в нём веру в себя, воспитываю у него чувство долга перед самим собой, перед рабочим классом, перед человечеством, я говорю ему о его человеческой и рабочей чести. Оказывается, это всё ересь. Нужно воспитать классовое самосознание (между нами говоря, научить трепать языком по тексту учебника политграмоты). [...] Если меня бьют педагогическими догмами, то я бью живым коллективом 400 горьковцев, бодрых, весёлых, энергичных, знающих себе цену и с прекрасной рабочей «установкой». Если этот мой аргумент не действителен, то значит и бороться не за что» [21, с. 54–57].

Через несколько месяцев после завершения горьковской эпопеи, 22 ноября 1928 года, в письме к писателю Макаренко так объясняет случившееся: «Для

гибели колонии никаких серьёзных причин вообще не было. Было обычное коллективное головотяпство, в котором и виновных не сыщешь. Отдельные лица, особенно старавшиеся в травле колонии, уже успели бросить полезную педагогическую деятельность и даже уехали из Харькова, остальные продолжают жевать свою жвачку за письменными столами и сонно посматривать на гибель колонии — что им такое колония Горького, одной колонией меньше, одной больше» [21, с. 64]. **НО**

Литература:

1. Адрес-календарь // Адрес-календарь и справочная книжка Полтавской губернии на 1904 год / Изд. Полтав. Губернского Статистического Комитета. — Полтава: Типо-литогр. Губернского Правления, 1904. — С. 1–133.
2. Адрес-календарь // Справочная книжка Полтавской губернии на 1906 год. — Полтава: Типо-литогр. Губернского Правления, 1906. — С. 1–108.
3. Алексеевич Г.А. К биографии А.С. Макаренко // А.С. Макаренко. Кн. 4: статьи / ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. — Львов, 1959. — С. 125–133.
4. В Харьков или в Запорожье? Сборник документов о переводе колонии им. Горького из Полтавы на новое место («Завоевание Курая») 1925–1926 гг. / сост. Гётц Хиллиг. — Марбург, 1985. — 158 с. — (Opuscula Makarenkiana Nr 5).
5. Г.В. Конференція робітників установ соц. виховання закритого типу в м. Полтаві // Шлях освіти. — 1926. — № 2. — С. 138–141.
6. Дитячі будинки вимагають громадської уваги! Органи Наросвіти мало зробили для поліпшення стану інтернатів. «Оригінальні» методи виховання гр. Макаренка // Вісті. — 1928. — 27 черв.
7. Залкінд А. Про тих, хто ще вчора був на вулиці // Дитячий рух. — 1928. — № 4. — С. 56–59.
8. Золотарьов Ю. Замість вражін // Комуніст. — 1928. — 10 лип.
9. Іваненко О. Настоящая жизнь // Воспоминания о Макаренко. — Л., 1960. — С. 87–95.
10. Крупская Н.К. О работе ВЛКСМ среди детей (Доклад и заключительное слово на VIII съезде ВЛКСМ) // Педагогические сочинения: в 10 т. / Н.К. Крупская; под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, И.В. Чувашева. — М., 1959. — Т. 5. — С. 261–284.
11. Луначарский А.В. Воспитание нового человека // О воспитании и образовании / Под ред. А.М. Арсеньева, Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, М.А. Прокофьева, В.А. Разумного. — М.: Педагогика, 1976. — С. 271.
12. Макаренко А.С. «Ваша нежность — страшная сила». Письма не только о любви, (Харьков, весна 1928 г.) / сост. Гётц Хиллиг. — Марбург, 1996. — 64 с. — (Opuscula Makarenkiana Nr 17).
13. Макаренко А.С. Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького / А.С. Макаренко // 5 лет работы с детьми-правонарушителями: сб. статей работников полтавских учреждений для правонарушителей / под. ред. проф. Ващенко. — Полтава, 1925. — С. 31–49.
14. Макаренко А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко; сост., вступ. ст., примеч., коммент. С. Невская. — М.: ИТРК, 2003. — 720 с.
15. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 4 / А.С. Макаренко; сост.: М. Д. Виноградова, А.А. Фролов. — М.: Педагогика, 1984. — 400 с.
16. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 8 / А.С. Макаренко; сост.: М. Д. Виноградова, А.А. Фролов. — М.: Педагогика, 1986. — 336 с.
17. Макаровский Д.Б. Штрихи к биографии // А.С. Макаренко. Кн. 8: сб. статей / ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. — Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1971. — С. 126–128.
18. На вершине «Олимпа». Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского «соцвоса» (февраль-март 1928 г.) / сост. Г. Хиллиг. — Марбург, 1991. — 178 с. — (Opuscula Makarenkiana Nr 12).
19. Организация воспитательного процесса в практике А.С. Макаренко: учеб. пособ. / подг. А.А. Фролов; под. ред. В.А. Сластенина, Н.Э. Фере. — Горький, 1976. — 98 с.
20. Остроменцкая Н. Навстречу жизни. Колония имени Горького // Народный учитель. — 1928. — Январь-февраль. — С. 42–77.
21. Переписка А.С. Макаренко с М. Горьким / под ред. Г. Хиллига, при участии С. С. Невской. — Марбург, 1990. — 257 с. — (Opuscula Makarenkiana Nr 11).
22. Полтавский календарь на 1909 год / изд. Полтавского Губернского Стат. Ком. — Полтава: Типо-литогр. Губернского Правления, 1909. — VIII, 505 с.
23. Полтавська трудова колонія ім. М. Горького в документах і матеріалах (1920–1926 рр.). Ч. 1 / авт.-укл.: О. П. Єрмак, Л. В. Крамущенко, І.Ф. Кривонос, Н.М. Тарасевич; за ред. І.А. Зязюна. — Полтава, 2002. — 269 с.

24. Полтавська трудова колонія ім. М. Горького в документах і матеріалах (1920–1926 рр.). Ч. 2 / авт.-укл.: О.П. Єрмак, Л.В. Крамушенко, І.Ф. Кривонос, Н.М. Тарасевич, А.В. Ткаченко; за ред. І.А. Зязюна. — Полтава, 2002. — 216 с.
25. Полтавщина: енциклопедичний довідник / за ред. А. В. Кудрицького. — К.: УЕ, 1992. — 1024 с.
26. «Ты научила меня плакать...» (Переписка А.С. Макаренко с женой. 1927–1939): в 2 т. Т. 1 / сост. и комментарии Г. Хиллига и С. Невской, введение Г. Хиллига. — М.: Витязь, 1994. — 216 с. — (Серия «Неизвестный Макаренко»).
27. *Фере Н.Э.* Мой учитель // Воспоминания о Макаренко / сост. Н. А. Лялин и Н. А. Морозова. — Л., 1960. — С. 99–213.
28. *Фере Н.Э.* Сельскохозяйственный труд в колонии имени Максима Горького // Воспоминания о Макаренко / сост. Н. А. Лялин и Н. А. Морозова. — Л.: Лениздат, 1960. — С. 213–232.
29. *Хиллиг Г.* Введение // «Ты научила меня плакать...» (Переписка А.С. Макаренко с женой. 1927–1939): в 2 т. Т. 1 / сост. и комментарии Г. Хиллига и С. Невской, введение Г. Хиллига. — М.: Изд. центр «Витязь», 1994. — С. 5–12.
30. *Хиллиг Г.* Колония им. М. Горького — лаборатория и сцена Макаренко-воспитателя // Постметодика. — 2003. — № 2. — С. 4–26.
31. *Шпак В.П.* Реабілітаційна діяльність зарубіжних і вітчизняних виправно-виховних закладів у ХІХ — на початку ХХ ст. — Полтава: АСМІ, 2005. — 335 с.
32. Центральный державный архив вищих органів влади та управління України (далее — ЦДАВОВУ), ф. 166, оп. 4, спр. 912.
33. ЦДАВОВУ, ф. 166, оп. 6, т. 2, спр. 2974.
34. Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ), ф. 332, оп. 4, ед. хр. 251.
35. РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 379.
36. Державний архів Харківської області (далее — ДАХО), ф. Р-845, оп. 3, спр. 1392.
37. ДАХО, ф. Р-858, оп. 2, спр. 6.
38. Державний архів Полтавської області, ф. Р-8805, оп. 3, спр. 3.